

животно-
и Литва
но из ве-
я на не-
зия про-
ены все
Но, от-
е, время
о совер-
тельности
ния его
е эффек-
а и каче-
ов и сов-
иобретае
ете реше-
1978 г.)

ским хо-
оставлены
пятилетки
зерно-
На каж-
производить
свинины.
еспублике
й фермы,
оуражную
оих тысяч
а. Чтобы
реально-
огое сле-
зводствен-
икам сфе-

по праву
ство. Ве-
— комму-
авом кон-
парата по
ив партии
артком и
провели
начитель-

исполне-
из дейст-
е на за-
кода реа-
становле-
ководства
етный пе-
рассматр-
оющие ре-
ы комму-
управ-
ыскатель-
стиль ра-
— П. Баг-
са, В. Ла-
трайтиса,
суждений
расста-
адров, об-
ениях в
Заслуши-
ретариата
м вскрыл
работе с
я. Через

жениа, советы, критические замечания. Как лучше реализовать

ИСТОРИЧЕСКИЕ Сенсаии

определенный срок партийный комитет вновь заслушал того же коммуниста и констати-

го коммуниста министерства. Большое внимание уделяется работе парторганизаций в

АЛЕКСАНДР КОСТИН

СТАЛИН ПРОТИВ ПАРТИИ

РАЗГАДКА ГИБЕЛИ ВОЖДЯ

адреса сомнительной осторожности и выжидания. Правда, проблемы специализации, концентрации и кооперации обсуждались на двух собраниях коммунистов, но довольно поверхностно. И, что особенно удивляет, — ход выполнения директив партии по магистральному направлению сель-
тельный разговор о том, как быстрее решать проблемы специализации и концентрации производства, что могут и должны сделать для это-

варищ «в принципе... соблю-
дает Устав партии».

Как повышать у каждого коммуниста чувство ответственности? Теперь, на заседании парткома, его члены сообщают о том. Деловитость и оперативность, творческий подход к делу — важ-

ских учре-
много хоро-
по вопрос
экономики,
редового о-
в республи-
ми. Одна
специалист
нувшись в
ты, в так
ку, зачаст
этих реко
по старин
жение в от
штаба отр
отдачу пер
жет быть.
этот воп
парторгани-
ях?

В респуб-
онов, кото
ву продук
ют от сре
вы. По ин
партии ре
на компле
оказанию
Коммунист
должны ст
водниками

Выступа
ном собра
нер управ
ке кадров
рил, что
поднявши
вращают
четы, при
ки. Надо
ся в прич
считают
димо, по
тикой и
смысл об

Идет з
Подытожи
ретарь п
Р. Валис
вить пер
боты на д
печивающ
ход к са
просам.

«Каждо
ского ап
видеть се
решении
зайственн
рил на
ЦК КПС
Брежнев.
нием оп
главные
ганизации
ского хо-

Исторические сенсации

Александр Костин

**Сталин против партии.
Разгадка гибели вождя**

«Алисторус»

2013

Костин А. Л.

Сталин против партии. Разгадка гибели вождя / А. Л. Костин — «Алисторус», 2013 — (Исторические сенсации)

Смерть Сталина – это загадка, которой уже более полувека. Но, несмотря на пристальное внимание многочисленных исследователей, она так и осталась неразгаданной до сих пор. Настоящая книга А.Л. Костина завершает монументальное исследование, в котором автор выдвинул собственную версию событий, как предшествовавших смерти вождя, так и последовавших непосредственно за ней. Он убедительно доказывает, что Иосиф Виссарионович Сталин пал жертвой многолетней борьбы с той партией, которую он возглавлял, а непосредственной причиной его смерти послужили попытки реформировать КПСС и систему государственного управления СССР. Система всей мощью обрушилась на своего вождя, а тот попытался преодолеть собственное детище. Можно ли считать Сталина жертвой обстоятельств и трагической фигурой истории? Не все так однозначно. Это было суровое противостояние, полностью отразившееся на страницах этой книги.

© Костин А. Л., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Костин

Сталин против партии: Разгадка гибели вождя

*Забывать о нем хотели бы давно,
Чем только это имя ни обставив.
«Как умер Сталин» – даже есть кино.
Одна неточность: он не умер – Сталин...*

Русский поэт Евгений Нефедов, из цикла «Наши Сталины».

Предисловие

Как известно, история знаменательных исторических событий имеет тенденцию повторяться, сначала в виде трагедии, а впоследствии в виде фарса. «Отравление» И.В. Сталина, а вернее его агонизирующего тела, удивительным образом напоминает несостоявшееся «отравление» В.И. Ленина за тридцать лет до марта 53-го.

Днем 30 мая 1922 года товарищу Сталину позвонили из Горок и попросили срочно приехать к Владимиру Ильичу, который желал непременно и как можно быстрее переговорить с ним о чем-то. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) отправился за город немедленно, пригласив с собой за компанию Николая Ивановича Бухарина. Оба, разумеется, знали, что 25 мая самочувствие Ленина внезапно ухудшилось, а спустя три дня появились признаки паралича правых конечностей и затруднение речи. Похоже, Сталин первым понял, для чего он понадобился «Старику», и не удержался поделиться подозрениями со своим спутником.

В Горках автомобиль остановился во дворе усадьбы. До флигеля, где жил глава Советской России, пришлось идти пешком. Там генсек сразу же проследовал в комнату больного. Причем тот настоял, чтобы вошедший плотно затворил дверь. А Бухарин остался ждать итогов встречи посреди врачей и родственников Ленина. Однако не утерпел и все-таки промолвил интригуяюще: «Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина!»¹

Аудиенция у «Старика» «чудесного грузина» продолжалась не более пяти минут. Иосиф Виссарионович, покинув вождя, простился со всеми и, не проронив ни слова о беседе, заторопился с Бухариным назад к машине. Мария Ильинична Ульянова решила их проводить. На улице оба гостя несколько оторвались вперед, осуждая что-то вполголоса. Уже во дворе возле автомобиля Сталин вдруг повернулся к сестре Ильича и произнес: «Ей можно сказать, а Наде не надо». Затем кратко изложил суть дела. Товарищ Ленин напомнил о ранее данном им, Сталиным, обещании помочь ему уйти из жизни, если его разобьет паралич. И теперь, когда такой момент наступает, вождь попросил исполнить это обещание и привезти яд. Сталин, подчиняясь воле лидера партии, от тяжелой миссии не уклонился. Но по выходе из комнаты засомневался: а не воспримет ли Владимир Ильич готовность генсека раздобыть яд как полную безнадёжность ситуации, без какого-либо шанса на выздоровление?! Взвесив все «за и «против», Сталин, Бухарин и Мария Ильинична сошлись на том, что Иосифу Виссарионовичу нужно вернуться к Владимиру Ильичу, чтобы отговорить его от отчаянного намерения, сославшись на консультацию с врачами, якобы не считающими болезнь неизлечимой. Сталин встретился с Лениным повторно и сумел его разубедить. «Старик» согласился не спешить с самоубийством

¹ К.Н. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро (1923–1953 гг.). М., 2006. С. 3.

и немного приободрился, услышав о мнении докторов. Впрочем, совершенно в искренность лукавого грузина не поверил, заметив на прощанье: «Дипломатничаете?!»²

Если бы И.В. Сталин был в состоянии общаться со своими соратниками после случившейся катастрофы, то он наверняка бы повторил просьбу В.И. Ленина о совершении в отношении него акта эвтаназии, чтобы избавиться от тяжких физических страданий, в любом случае заканчивающихся смертельным исходом. Нельзя исключить и тот факт, что Сталин мог, подобно своему предшественнику, заранее предусмотреть подобный вариант своего ухода. Наконец, эту последнюю волю вождя можно было и «предугадать», тем более, что у его ближайших соратников для решимости на такой шаг были и другие, куда более веские причины, чем освобождение смертельно больного человека от мучительных страданий.

Ответ на вопрос, что за причины подтолкнули наследников Сталина на этот шаг, читатель найдет на страницах настоящей книги.

Причиной для ее написания послужили следующие обстоятельства. 17 января 2011 года скончался В.М. Жухрай, сообщивший перед смертью автору некую информацию. Однако при этом Владимир Михайлович поставил одно условие по срокам публикации его свидетельских показаний – не ранее 2 лет после его ухода из жизни.

Другим обстоятельством, подтолкнувшим к написанию этой книги, послужила публикация в середине 2011 года труда академика А.Л. Мясникова «Я лечил Сталина» (с участием академика Е.И. Чазова). В это же время автору в руки попала книга замечательного российского историка Константина Анатольевича Писаренко, вышедшая около пяти лет тому назад и ставшая к тому времени библиографической редкостью.

По прочтении книги К.А. Писаренко: «Тридцатилетняя война в Политбюро (1923–1953 гг.)» стало ясно, что начало трагедии, случившейся в марте 1953 года, нужно искать в первой половине 20-х годов, когда столь же трагически для судеб многострадальной России уходил из жизни предшественник Сталина – Владимир Ильич Ленин. Этим объясняется столь обильное цитирование текста книги К.А. Писаренко, за что, пользуясь случаем, мы приносим автору свои извинения с чувством глубокой признательности за его поистине подвижнический труд.

Вот при таких обстоятельствах и возникла идея книги-исследования таинственных событий, сопровождавших последние дни жизни Иосифа Виссарионовича Сталина.

² Известия ЦК КПСС, 1991. № 2. С. 134–135; № 3. С. 185–188.

Глава 1

«Ленинский» этап борьбы И. В. Сталина с невидимой угрозой

Упрощенный взгляд на итоги исторического XIX съезда КПСС, провозгласившего начало широкомасштабных реформ, задуманных Сталиным, сводится к следующему. Семидесятилетний Генсек (в то время уже просто секретарь ЦК КПСС) и Председатель Совета Министров СССР решил отстранить руководимую им всемогущую партию коммунистов от непосредственного управления государством, передав всю власть Советам как в центре (Верховный Совет СССР), так и на местах, оставив партии идейно-воспитательную роль и работу с партийными кадрами. Партноменклатура из-за боязни потерять свое лидирующее положение, когда можно было всем управлять, все контролировать, но ни за что не отвечать, немедленно вынесла вердикт: «Или мы – или Сталин», поскольку при живом Сталине они теряют все, а при его немедленном устранении все остается так, как и было в течение 35 лет Советской власти. Следовательно, Сталин был обречен.

Эта, сколь нехитрая и столь же неверная версия скоропостижной смерти Сталина стала краеугольным камнем в построении многочисленных версий насильственной смерти реформатора. Несмотря на отсутствие хотя бы малейших аргументов в пользу «заговора» ближайшего окружения по устранению вождя, если не считать всерьез «саморазоблачений» Хрущева, Микояна и даже Берия, правда, со слов других лиц, версии о загадочных убийствах, отравлениях, неоказании своевременной медицинской помощи вождю, возникают как грибы после теплого летнего дождя и конца-края этим версиям нет, и не ожидается в ближайшем будущем.

Долгоживучесть версии «заговора» партаппарата против Сталина объясняется неординарностью задуманных Сталиным реформ, основу которых, составила объявленная, фактически открытым текстом, война вождя с той самой партией, которую он возглавлял без малого тридцать лет. Что же случилось с вождем на старости лет, неужели он, как однажды высказался Ю. Жуков, уже «ничего не соображал», поскольку был безнадежно больным человеком? Больным-то он действительно был, причем тяжело больным, хотя ни в какую в это не хотел верить, но вот насчет того, что он «не ведал, что творил» – это не о нем.

Прежде чем «озвучить» свой план широкомасштабных реформ, он глубоко проработал теоретический базис этих преобразований, учтя неудавшийся опыт проведения подобных реформ в середине 30-х годов. Начавшийся вскоре период подготовки к войне и сама война, а затем восстановление разрушенного войной народного хозяйства более чем на 10 лет отодвинули замыслы Сталина по реформированию политической системы страны, в основе которой был изначально заложен замедленного действия разрушительный механизм – **принцип коллективного руководства**. Этот механизм, исподволь разрушающий Советскую власть, был заложен В.И. Лениным, чем, в первую очередь, объясняется трудность его искоренения, трудность, стоившая жизни многим тысячам ни в чем не повинных людей.

Политической «слабостью» В.И. Ленина было два момента: во-первых, создание коллегиальных органов управления, все члены которых наделялись равными правами при решении любого более-менее значащего вопроса и, во-вторых, создание многочисленных комиссий для разрешения возникших трудностей в коллегиальных органах власти. В результате живая творческая работа управленческих звеньев сводилась к многочисленным заседаниям и бесплодным дискуссиям (памятное «Прозаседавшиеся» пролетарского поэта).

Основным коллегиальным органом управления партией, а значит и всей страной, поскольку РКП(б) была не только правящей, но и единственной партией, было Политбюро ЦК РКП(б). Формально все члены Политбюро были равноправны, и судьбу законопроектов и рас-

поряжений определяло простое большинство во время голосования. По этой причине число членов Политбюро было нечетным: до апреля 1922 года – 5 человек, а после 3 апреля 1922 года – 7 человек. Увеличение произошло вопреки требованиям Устава по личному предложению Ленина. Лишь в августе 1922 года XI партконференция узаконила новую норму численности Политбюро. Историки полагают, что Владимир Ильич неспроста пошел на прямое нарушение уставных норм. В «пятерке» прежнего состава Политбюро наметился раскол, когда «тройка» в составе Каменева, Зиновьева и Сталина серьезно «потеснила» главных политических кумиров: неистового Троцкого и безнадежно больного В.И. Ленина. Дополнив «пятерку» персонами «со стороны», то есть не симпатизирующих означенной выше «тройке» – Рыковым и Томским, Ленин на время утихомирил страсти и раскол миновал.

Таким образом, по состоянию на 3 апреля 1922 года в состав Политбюро вошли: В.И. Ленин, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков и М.П. Томский. Кандидатами в члены Политбюро Пленум ЦК РКП(б) утвердил Н.И. Бухарина, М.И. Калинина и В.М. Молотова. «Семерка» обладала правом решающего голоса, а три кандидата – совещательным.

Однако «равноправие» членов Политбюро было лишь декларацией, ибо «коллективное руководство» в чистом виде возможно лишь теоретически. В любом подобном «коллективном органе», как бы он не именовался (Политбюро, Комитет общественного спасения, директория, хунта, Верховный тайный совет, наконец, ГКЧП), сразу же стихийно или осмысленно начинается поиск лица, на взгляды и суждения которого, в конечном итоге, будут ориентироваться остальные члены органа. Одной из причин поражения ГКЧП в августе 1991 года было как раз отсутствие такого харизматического лидера в его составе.

Если «коллективный орган» не выдвинет из своей среды лидера, способного подчинить своей воле мнения остальных коллег, то подобный орган вместо эффективного административного рычага управления неизбежно превратится в недееспособный дискуссионный клуб. Избежать подобной опасности можно лишь в одном-единственном случае: если среди членов этого органа найдется авторитетная, всеми уважаемая личность, которая естественным образом становится верховным арбитром.

До весны 1922 года в Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о лидере не возникал, поскольку таковым заслуженно являлся основатель партии В.И. Ленин, который, однако, предпочитал управлять Россией в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров, как бы игнорируя собственный статус самого влиятельного члена Политбюро. Не будь Ленин создателем «партии нового типа», а также вдохновителем и организатором Октябрьского переворота, ему бы не простили демонстративного пренебрежения членством в Политбюро. Однако, учитывая сделанное Ильичем для партии, соратники до поры до времени не заостряли внимания на его тяготении к государственным структурам в ущерб партийным. Тем более что, несмотря на склонность первого советского лидера управлять страной из зала заседаний Совнаркома, реально там собирались не советские министры, а все те же члены Политбюро, правда, в несколько расширенном составе.

Кто же входил в число «расширяющих» состав Политбюро? Для этого следовало бы заглянуть в Устав партии, принятый на VIII партконференции в декабре 1919 года, но предварительно несколько существенных замечаний.

В любой республике, то есть в политической системе, где глава государства избирается, а не наследует «трон», властные полномочия делегируются ему либо всем населением данной страны, либо частью населения, объединившегося в некую политическую структуру – партию. В зависимости от того, кто – рядовые избиратели или члены партии формируют властную вертикаль, определяется и порядок, по которому та начинает функционировать. А прописан он будет либо в Конституции страны, либо в партийном Уставе.

В октябре 1917 года Россия перешла под контроль руководства РКП(б). Этого права лидеры большевиков добились не по итогам общероссийских выборов, а в ходе государственного переворота, а три года кровопролитной Гражданской войны подтвердили статус-кво, сложившийся осенью семнадцатого года. На правах победителя руководство РКП(б) имело полное право продиктовать свою волю проигравшим и равнодушным, в результате чего Устав компартии автоматически превращался в главный закон страны.

Не имея управленческого опыта и ориентируясь на опыт Великой французской буржуазной революции, большевики «сконструировали» оригинальную управленческую модель «коллективного руководства». Партия большевиков становится руководящей и направляющей силой, то есть «коллективным руководителем» страны, который строится по территориальному признаку «...организация, обслуживающая какой-либо район считается высшей по отношению ко всем организациям, обслуживающим части данного района (ст. 11 Устава РКП(б)) ...Высшим руководящим органом каждой организации является общее собрание, конференция или съезд (ст. 13) ...Верховным органом партии является съезд..., который избирает ЦК РКП(б)..., который образует для политической работы Политическое Бюро, для организационной работы Организационное Бюро и Секретариат во главе с секретарем, членом Организационного бюро ЦК (ст. 13; 20; 22; 25). С точки зрения подчиненности и наличия властных полномочий трех вышеназванных «коллективных органов» Уставом предусматривалось следующее: «Всякое решение Секретариата, если оно не опротестовано никем из членов Оргбюро, становится автоматически решением Оргбюро, а всякое решение Оргбюро, не опротестованное никем из членов Политбюро, становится решением Политбюро, то есть решением Центрального Комитета. Всякий член ЦК может опротестовать решение Политбюро перед Пленумом ЦК, но это не приостанавливает его исполнения».

Таким образом, согласно Уставу партии, роль выборных центральных органов партии возрастает по следующей «вертикали» власти – Секретариат ЦК, над ним Оргбюро, еще выше – Политбюро, которое принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательства. Над ним Пленум ЦК партии, который собирается не реже двух раз в месяц для решения наиболее важных вопросов, не требующих спешного решения, ну а дальше – ежегодно созываемый съезд партии, нормы представительства на котором устанавливаются ЦК и очередной предсъездовской партконференцией.

В августе 1922 года XII партконференция утвердила новый Устав РКП(б) со следующими изменениями и дополнениями в ранее действующий Устав. Отныне количество членов ЦК не конкретизировалось, а «устанавливалось съездом», число членов Политбюро могло варьировать от пяти до семи; Пленум ЦК собирается не два раза в месяц, а один раз в два месяца; периодичность созыва партконференций сокращалась с четырех до одного раза в год.

А теперь, глядя на «конструкцию» партийной власти, зададимся вопросом, что же так беспокоило В.И. Ленина, который в своем знаменитом «Письме к съезду», давая характеристики вождям, в отношении Сталина писал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Какой такой «необъятной властью» обладал генеральный секретарь ЦК РКП(б)? Судя по партийной иерархии, закрепленной Уставом, в компетенцию генсека входило налаживание эффективной деятельности аппарата ЦК (подготовка проектов повестки дня к заседаниям и постановлений Политбюро и сопутствующих им материалов; рассылка принятых решений по центральным и провинциальным партийным и советским учреждениям; аккуратное ведение архива). Скрупулезный кадровый учет нарождающейся партноменклатуры всех уровней, инспектирование региональных комитетов и бюро. Конечно, возможности для сбора информации и завязывания нужных знакомств – обширные.

Однако аналогичные преимущества имелись и у тех, кто занимал иные должности – и в ЦК РКП(б), и в Совнаркоме, и во ВЦИК. Увы, генсеку, для того чтобы превратиться в ключевую в партии фигуру, не хватало главного – права назначения своих выдвиженцев на важнейшие посты в губкомах, обкомах, областных бюро ЦК, наркоматах и т. д. Этим правом обладало Политбюро, которое ни Оргбюро, ни Секретариат, без санкции свыше, подменять не могли.

О чем тогда печаль Владимира Ильича? А вот, например, еще пишет бывший технический секретарь аппарата Политбюро Б.Г. Бажанов: «Секретариат ЦК – орган, находящийся в состоянии быстрой эволюции, и именно он способен гигантскими шагами идти к абсолютной власти в стране. Правда, к власти он идет не сам по себе, сколько в лице своего Генерального секретаря...»³ Откуда проистекает впечатление о всевластии сталинского Секретариата, о котором в один голос твердят и современники тех событий и историки?

Все очень просто объясняется, если вспомнить, кто возглавлял Секретариат до 3 апреля 1922 года. Секретарь ЦК, **кандидат в члены Политбюро ЦК** Вячеслав Михайлович Молотов. А кого Пленум ЦК избрал ему в преемники? Генерального секретаря ЦК, **члена Политбюро ЦК** Иосифа Виссарионовича Сталина. Вот и вся разгадка феномена! Пока Секретариатом командовал человек, участвующий в заседаниях Политбюро с правом совещательного голоса, тот не имел никакого политического значения. Стоило Секретариату перейти под управление лица, наряду с другими шестью коллегами управляющему страной, политическое значение сразу же появилось.

Ленин прекрасно понимал основной изъян своей системы «коллективного руководства», который может проявиться в том случае, если он вынужден будет отойти от дел по состоянию здоровья. Изъян этот – неминуемая схватка вождей в борьбе за лидерство в Политбюро. Тенденцию к такому исходу он уже уловил, поскольку складывающийся альянс «тройки» (Каменев, Зиновьев, Сталин) был направлен против Троцкого, которому Ильич безусловно доверял и в том же «Письме к съезду» дал такую характеристику: «Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Именно в двух этих фигурах (Сталин и Троцкий) В.И. Ленин «предугадал» возможность раскола, губительного для страны: «Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».

О «качествах» Троцкого в письме сказано, а вот какие отрицательные качества Сталина имел в виду Ленин? Пассаж о «необъятной власти» генсека был явно натянутым. Ленин брал делегатов съезда на испуг. Но те могли и не испугаться, и тогда претензии к Сталину превратились бы в пустой звук. Спустя десять дней Ленин диктует «добавление» к «письму», в котором дает краткую характеристику вождям партии (Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Сталину, Бухарину, Пятакову), где привел более «объективное обоснование» для отставки Сталина: «... Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом. Именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше

³ Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 2002. С. 76.

о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»⁴.

Характерно, что вождь упорно муссирует слово «мелочь», чем с головой выдает себя: уж не «мелочится» ли он сам? Попробуем разобраться. Напирая на это слово, он явно чувствует слабость своей аргументации, оправдывающей требование о выводе Сталина из состава Политбюро. Поэтому он не рискнул без обиняков продиктовать свой вердикт: предлагаю исключить Кобу из Политбюро. Он рассчитывает на свой непререкаемый авторитет, на послушание избранных съездом членов ЦК (прежде всего новичков из рабочей среды), которые непременно сообразят, что персоне, осужденной самим «Стариком», не место в высшем исполнительном органе. А изгнание с властного Олимпа одного из двух соперников – единственный способ предотвратить грядущий раскол.

Не слабоваты ли аргументы вождя для столь радикальной расправы со своим ближайшим соратником, которому еще полгода тому назад он мог поручить выполнение столь деликатной просьбы, как привести ему яд с целью ухода из жизни, если его разобьет паралич? Мало того, за время болезни вождя Сталин чаще других соратников навещал его, выполняя поручение Политбюро – постараться оградить больного от излишних волнений и забот. Только в июле и августе 1923 года Сталин побывал в Горках 8 раз, реализуя, прежде всего, свою задумку – выдвинуться в первые конфиденты «Старика» или, по крайней мере, сравняться по влиянию на него с Львом Борисовичем Каменевым. На исходе августа план-минимум оказался выполненным. Ленину понравилось общаться с «чудесным грузином». Он не без удовольствия выслушивал его пусть грубоватые и резковатые, но точные, емкие и по сути вопроса верные оценки, замечания и предложения. Чувство меры в споре, пунктуальность и педантичность московского гостя также выглядели привлекательно. Короче говоря, если весной у Ильича был «любимчик» Каменев, то к осени «любимчиков» стало уже двое – Каменев и Сталин.

И вдруг такая резкая перемена в отношении к Сталину, с чего бы это? Совершенно очевидно, что давая своему новому «любимчику» столь убийственную характеристику, Ленин руководствовался не государственными интересами, в нем возобладал простой обыватель, смертельно обиженный на человека, оскорбившего его супругу – Надежду Константиновну Крупскую.

Здесь требуется несколько отступить назад и напомнить о разыгравшейся интриге, связанной с отношением членов Политбюро к проблеме внешнеэкономической деятельности России, вошедшей в историю под названием «монополия внешней торговли».

А дело происходило следующим образом. На Пленуме ЦК, проходившем 6 октября 1922 года в отсутствие В.И. Ленина, было принято решение о некоторых послаблениях в отношении монополии внешней торговли путем поручения СТО (Совет Труда и Оборона, возглавляемый Л.Б. Каменевым) «...провести ряд отдельных постановлений ...о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам... Для наблюдения за выработкой в СТО в течение ближайших двух недель списка портов, границ и товаров, как для ввоза, так и для вывоза, создать комиссию в составе т.т. Сокольников, Богданова, Фрумкина, Пятакова и Лежавы с обязательным привлечением представителя НКВД (Народный Комиссариат Иностранных дел. – А.К.)»⁵.

В этом распоряжении практически не фигурирует Наркомвнешторг, если не считать упоминание Фрумкина (замнаркома Красина) в составе комиссии, призванной контролировать реализацию серьезной реформы внешнеторговой деятельности России. Нарком Красин усмотрел в этом решении ЦК действие, серьезно «...угрожающее коренным изменениям экономической жизни Республики и... отменяющее один из основных законов Советской Конститу-

⁴ В.И. Ленин. ПСС. М., 1964. Т. 45 С. 343–346, 389, 474.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 84, л. 1. Цит. по: К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро (1923–1953). М., 2006. С. 23.

ции». И за разъяснением ситуации немедленно апеллировал к Предсовнаркому, зная о том, что Ленин не участвовал в работе Пленума 6 октября. 11 октября он добивается встречи с Лениным, который «...признал положение очень серьезным»: «Надо действовать!» «С этого момента я понял, что монополия внешней торговли спасена», – вспоминал позднее герой назревавшего скандала»⁶. Скандал разразился, и не шуточный. В.И. Ленин буквально метал громы и молнии, потребовал отстранить на два месяца исполнение этого решения ЦК до очередного Пленума ЦК, на котором он обязался присутствовать лично. Однако случилось непредвиденное обстоятельство, не позволившее Ленину присутствовать на очередном Пленуме ЦК, намеченном на 18 декабря, поскольку в ночь с 12 на 13 декабря его разбивает паралич. В то же время Ленин сумел предварительно провести большую работу по отстаиванию своей точки зрения на монополию внешней торговли, поручив Троцкому отстоять эту точку зрения на Пленуме.

Троцкий блестяще справился с задачей, и 18 декабря Пленум единодушно одобрил резолюцию о монополии внешней торговли в ленинском варианте. Однако Ленину стало известно о том, что «тройка», формально согласившись, с позицией вождя, готовилась совершить на Пленуме отвлекающий маневр. А именно, триумвират намеревался пойти на хитрость: добиться новой отсрочки на месяц или даже на два, сославшись на болезнь и повышенный интерес Ильича к обсуждаемой проблеме. Упали они на явно прогрессирующий недуг вождя, который вот-вот нейтрализует активность лидера партии и тем самым избавит прочих членов Политбюро от его навязчивой опеки.

Ленин был шокирован, узнав об этом явном предательстве со стороны триумvirата. Если они не постеснялись вести подковерную борьбу сейчас, то им ничто не помешает возобновить ее позднее и взять реванш на партсъезде. Болезнь Ленина лишь сыграет им на руку, а значит, нужно предотвратить эту потенциальную угрозу. Как это сделать в условиях строжайшей изоляции Ленина от внешнего мира, в связи с обострением болезни? Причем контроль за соблюдением этого режима Политбюро поручило Сталину, который охотно взялся исполнять это поручение, памятуя при этом, что нужно предотвратить какие-либо шаги вождя по дезавуированию замысла триумvirата, отыграть за свое поражение на предстоящем XII съезде партии.

Ленин нашел выход из этого положения, призвав на помощь Надежду Константиновну, которая 21 декабря напишет записку на имя Троцкого следующего содержания:

«Лев Давидович! Проф. Ферстер (лечащий врач В.И. Ленина. – А.К.) разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам:

«Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении монополии внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции ... В.И. просит также позвонить ему ответ. Н.К. Ульянова»⁷.

Троцкий просьбу Ленина исполнил, но оригинальным способом. Он позвонил ночью Л.Б. Каменеву с тем, чтобы в повестку дня предстоящего съезда Советов включить его доклад на фракции съезда. А поскольку комиссию ЦК по проведению съезда Советов возглавлял Сталин, то ему уже на следующий день стало известно о «нарушителе спокойствия» В.И. Ленина. Сталина не смутило, что «блокаду» Ильича прорвала его жена, и он тотчас набрал номер телефона кремлевской квартиры Ульяновых и попросил позвать к аппарату Надежду Константиновну. В состоявшемся телефонном разговоре Сталин в довольно грубой форме отчитал Крупскую

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 30.

за самоуправство, напомнив ей о существовании партийной инквизиции – Центральной Контрольной Комиссии.

К.А. Писаренко дал следующую интерпретацию этому бытовому конфликту, возведя его в ранг высокой политики:

«Сталин не со зла нахамил женщине. И нервы тут тоже ни при чем. Это была демонстрация силы. Генсек, осыпая бранью супругу первого большевика, метил не в нее, а в мужа. У члена Политбюро просто иссякло терпение. Ведь с момента припадка 13 декабря и особенно после заметного ухудшения 16 числа всем стало ясно, что Старик выдохся и отныне совершенно не способен заниматься управлением страны, четко, быстро и адекватно решать партийные, экономические, международные и прочие вопросы. Хотя надавить на соратников собственным колоссальным авторитетом пока еще мог. Между тем, кто будет спрашивать с больного за те или иные политические промахи и неудачи? Верно, счет предъявят не Ленину, а осиротевшим шести членам Политбюро. Они – подлинное правительство, им и нести ответственность за все. Но как ее нести, если главный пациент республики стремится по-прежнему диктовать партийной элите свою волю? Только с помощью его глухой изоляции от внешнего мира. Сталину – наиболее твердому большевику – и поручили возвести спасительный заслон.

К сожалению, Владимир Ильич не понял, что 18 декабря 1922 года совсем буднично, без шума и помпы произошла смена главы государства. Торжество абсолютной монополии внешней торговли оказалось лебединой песней Ленина. Он в тот же день распрощался с властью. Жизнь заставила коммунистов найти для Политбюро нового арбитра, и Каменев, как неформальный первый заместитель Ильича в партийном ареопаге и официальный в Совнаркоме и СТО, автоматически превратился в лидера, на мнение которого отныне ориентируется большинство членов ЦК.

Лев Борисович, естественно, не желал, да и не имел права руководить Россией с постоянной оглядкой на рекомендации безнадежно больного кумира. Правда, ему не хватило храбрости честно и откровенно поговорить с Лениным о печальных обстоятельствах, побуждающих партию отстранить вождя от процесса управления. Впрочем, трудно назвать имя того, кто бы на это отважился. В итоге тяжкую миссию невольно исполнил Сталин, выплеснувший на Крупскую раздражение от постигшего триумвират поражения в споре с Красиным. Нормально, по-человечески потолковать с Ульяновыми не получилось. Вот и произошло неизбежное столкновение: генсек обругал того, кому не повезло попасть под горячую руку, – Надежду Константиновну. Ну а за бесцеремонной руганью скрывалось то, что никто не осмеливался произнести вслух: «Уважаемый Владимир Ильич, утомитесь! Отдыхайте, лечитесь, только не мешайте нам работать! Вы более не можете подменять собой Политбюро!!!»⁸

Мог ли предполагать И.В. Сталин, что история сыграет с ним аналогичную злую шутку. Через тридцать с небольшим лет он будет также отстранен своими соратниками от власти, правда, не за год с небольшим, как это они сделали с Лениным, а лишь за несколько часов до смерти 5 марта 1953 года.

Однако ни Крупская, ни Ленин не догадались об истинной причине сталинской выволочки. А посему Надежда Константиновна на утро 23 декабря пожаловалась на грубияна Каменеву. Нашла кому жаловаться, человеку, который вероятно потирал руки в знак благодарности «грубияну», который выполнил за него самую «грязную работу» по отстранению Ленина от власти. Откуда ей все это было знать, а посему она искала защиты: «Лев Борисович ... Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова. Интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину... О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет ... Я обращаюсь к Вам

⁸ Там же. С. 31–32.

и к Григорию (Г.Е. Зиновьеву. – А.К.), как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз... Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности»⁹.

Днем того же 23 декабря Надежда Константиновна поведала о скандале мужу, сообщив при этом, что Сталин уже извинился перед ней, и она, простив его за эту выходку, уже помирилась с ним. Но на этом конфликтная ситуация не завершилась. Во-первых, Ленин написал «обидчику» гневное письмо с фактическим ультиматумом о прекращении с ним каких-либо отношений. А во-вторых, он в этот же день ближе к вечеру надиктовал цитируемое выше «Письмо к съезду», где Сталин из «любимчика» и «чудесного грузина» вдруг превращается в грубияна и зловещую фигуру – источник возможного раскола партии: «Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек»¹⁰.

Предложение Ленина об увеличении членов ЦК чуть ли не до 100 человек объясняется просто – новые члены ЦК, и прежде всего, представители рабочих «от станка», единогласно проголосуют за предложения вождя о избрании Сталина в Политбюро ЦК РКП(б). Так что единственной причиной резкого «охлаждения» Владимира Ильича к «чудесному грузину» является простая человеческая обида за оскорбление, нанесенное Кобой Надежде Константиновне.

Однако существует иная точка зрения на реакцию Ленина по поводу грубости Сталина: «Сказанное ею (Надеждой Константиновной. – А.К.) подтолкнуло Ленина к размышлениям над причинами конфликта. Помня о том, что Коба недолюбливает Троцкого, вождь решил, что «грубейшую выходку» спровоцировал политический альянс Предсовнаркома с наркомвоенмором. Сопоставив данный факт с вежливостью и предупредительностью грузина летом во время дружеских посиделок на свежем воздухе в Горках, Ильич не мог не прийти к логическому выводу: Сталин лелеет далеко идущие честолюбивые планы; своим соперником считает второго по популярности человека в стране – Троцкого; одолеть конкурента надеялся при поддержке Ленина, но размежевание с желаемым союзником вследствие борьбы вокруг Внешторга испортило генсеку всю игру; отсюда – нервный срыв и обструкция «Н.К.».

Из первого заключения закономерно вытекало второе: партию ожидает поединок двух видных большевиков за власть; угрозу внутреннего раздора нужно немедленно предотвратить, и спасти РКП от беды по силам только Ленину»¹¹.

Даже если принять за истину вышеприведенную точку зрения на возникший конфликт в отношениях между Лениным и Сталиным, то в любом случае нужно признать за истину и то, что Владимир Ильич глубоко заблуждался, увидев опасность раскола, по линии Сталин – Троцкий. Заблуждаются и те историки, которые с большим вдохновением описывают борьбу Сталина с Троцким и, судя по всему, не догадываются, что будущий генералиссимус всерьез никогда не считал Троцкого врагом номер один.

Троцкий для Сталина был только удобным инструментом, с помощью которого генсек намеревался сокрушить истинного соперника, взошедшего на властный Олимп после отрешения от власти Ленина. В отличие от нынешних политологов и политэкспертов, товарищ Сталин хорошо разбирался в том, каким образом функционирует структура, скрытая под приятным для слуха слоганом «коллективное руководство».

⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 190–192.

¹⁰ В.И. Ленин. ПСС. М., 1964. Т. 45. С. 381.

¹¹ К. Писаренко. Указанное сочинение. С. 32–33.

Итак, что же собой представляет ленинская система «коллективного руководства»? На этот вопрос мы постараемся ответить ниже, а здесь ответим на другой вопрос: какова судьба знаменитого ленинского «завещания», т. е. «Письма к съезду», которое намечалось обнародовать весной 1923 года на XII съезде РКП(б)? Однако этого не произошло, и вот по какой причине. В конце декабря 1922 года по оплошности, допущенной Л.А. Фотиевой, о первой части письма стало известно практически всем членам Политбюро за исключением Зиновьева, который 21 декабря отбыл в отпуск и лечился в Сухуми. Зато именно ему в апреле 1923 года, накануне съезда, Надежда Константиновна «по дружбе» позволила ознакомиться со всем текстом ленинского «завещания». Зиновьев раскрыл секрет Каменеву и Бухарину. Хорошо понимая, какие причины побудили Сталина нагрубить Крупской, коллеги генсека по Политбюро не восприняли всерьез пророчества Старика, и в принципе правильно сделали, поскольку никакой раскол по линии Сталин – Троцкий партии не грозил. Опасность для нее, равно как и в целом для страны, таилась в другом, и эту опасность ни Ленин, ни члены Политбюро предотвратить были не в силах.

Сталин о существовании «завещания» Ленина узнал лишь в августе 1923 года.

Глава 2

Сущность и скрытые угрозы ленинской системы «коллективного руководства»

Данная система сложилась в качестве антипода монархии и отличается от последней только тем, что страной вместо одной персоны руководят несколько равных между собой лиц. Возникновение данного советского типа решения государственных проблем обуславливается не чьим-либо капризом или стечением обстоятельств, а полным разочарованием общества в самодержавии по причине неумения или нежелания конкретных августейших, и не только августейших особ управлять народом с учетом его интересов и настроений. Ответная реакция населения вполне естественна – необходимо заменить неэффективную монархическую модель управления коллективным органом. Ведь сообща вершить дела куда сподручнее: каждый свободен в высказывании собственного мнения, критике чужого и не утверждении целиком или отчасти ошибочных инициатив товарищей. Совет опытных администраторов как фильтр гораздо меньше пропустит через себя плохо продуманных проектов постановлений, чем любой монарх-умница, не говоря уже о бестолковом эгоисте.

Посыл, безусловно, верный, однако, увы, неприемлемый на практике из-за фактора времени. Оно стремительно летит, и поспеть за ним, пусть и не без оплошностей, по плечу лишь одному человеку – монарху. Здесь под словом «монарх», понимается не только некий венценосный правитель государства, как-то царь, король, шах и т. д., а единовластный руководитель (правитель) в более широком смысле, например, президент, глава государства, глава правительства и т. п., избираемый совершенно демократическим путем всенародно и на определенный срок. Антипод монарха – многоголовый Совет – по самой природе обречен на безнадежное отставание. Конечно, коллегиальный орган, состоящий из талантливых представителей элиты общества, способен найти самый лучший выход из десяти затруднительных положений. Зато сто других «тупиков» так и останутся не рассмотренными из-за дефицита времени. И чем дальше, тем больше накопится «хвостов», усиливая в геометрической прогрессии всеобщее раздражение и недовольство медлительностью собрания советников. Хочешь не хочешь, а придется подражать единоличному властителю, который за час санкционирует столько распоряжений (более или менее удачных, но изученных и получивших санкцию), сколько членам консилиума не обсудить и за сутки.

Признание кого-либо из своих рядов неформальным лидером, чей голос в прениях, особенно затянувшихся, превращается в решающий, ускоряет работу Совета. Правда, до оптимального уровня ей не дотянуться никогда. К тому же к прежнему изъяду – волоките – прибавится новый – угроза скрытого или явного соперничества советников за пальму первенства: статус неофициального арбитра ведь нигде никак не прописан и не узаконен. Посему имя главы Совета в зависимости от колебаний сиюминутных симпатий и антипатий большинства может меняться сколько угодно раз, хоть ежечасно. В итоге высший орган власти, скованный взаимной подозрительностью «сопредседателей» и их длительными дебатами, утратит всякую мобильность, да и авторитет – персональный – тоже.

Рассмотрим процесс принятия государственных решений коллегиальными органами ЦК РКП(б): Политбюро, Оргбюро и Секретариата – этими тремя ленинскими «коллективными руководителями». Между прочим, впоследствии, уже по инициативе Сталина, была создана четвертая коллегиальная структура, так называемое «Совещание заведомо ЦК РКП(б)». Зачем Сталину – непримиримому борцу с феноменом «коллективного руководителя», потребовалось создание еще одного подобного монстра, выясним немного позже. Итак, заседания Политбюро обычно проводятся по четвергам еженедельно и по понедельникам раз в две недели

с 12.00 до 16.00, максимум до 18.00. Как правило, раз в неделю около 19.00 собирается Оргбюро. В тот же час и с той же регулярностью заседает Секретариат. Как вы полагаете, много вопросов успевают проработать семь членов Политбюро за четыре-шесть часов? Пятнадцать – двадцать пять от силы. За тридцать, тем более сорок список зашкаливает редко. И, понятно, лучше всего на свежую голову решаются пункты, возглавляющие повестку дня. А чем дальше очередь, тем реже уставшие члены ареопага дискутируют, тем чаще голосуют за любую более или менее приемлемую формулировку. Вот почему у Г.В. Чичерина, М.М. Литвинова и Л.М. Карахана (наркома и замнаркомов НКВД) – привилегия являться в зал Совнаркома одновременно с «коллективным руководством». Иные наркомы и чиновники вынуждены ожидать вызова в приемной

Отчего товарищи Каменев, Зиновьев, Сталин, Троцкий, Рыков, Томский, Бухарин, Калинин, Рудзутак и Молотов не могут видаться ежедневно, не секрет. У каждого есть дополнительная нагрузка. Каменев с утра до вечера пропадает в СТО, СНК или Моссовете. Зиновьев разрывается между Москвой и Петроградом (Коминтерном и Петросоветом). У Сталина, Рудзутака и Молотова полно дел на Воздвиженке, 5 (в аппарате ЦК). По соседству, на углу Воздвиженки и Моховой, в помещениях ВЦИКа общается с посетителями Калинин. Поблизости, на Знаменке, 23 Реввоенсоветом и Военно-морским наркоматом командует Троцкий. Рыков страхует в Совнаркоме и СТО вечно занятого Каменева. Томский увлечен профсоюзной работой во Дворце Труда на Солянке, 12. Бухарин помогает Зиновьеву в Коминтерне и заведует центральным печатным органом партии «Правдой». Чтобы состыковаться на полдня хотя бы четверке вождей (таков кворум), нужно еще договориться друг с другом, выкроить «окошко» в перенасыщенном совещаниями, выступлениями и встречами рабочем графике, пробежать глазами по материалам, подготовленным к заседанию, и, по крайней мере, не захворать в условленный день¹².

Согласимся, что ситуации патовая. Проблемы, которым требуется санкция высшей государственной инстанции – Политбюро, – растут, как снежный ком. Однако «коллективный руководитель» функционирует не более шести-восьми раз в месяц, сорок-пятьдесят часов из примерно пятисот возможных (за вычетом 240 часов необходимых человеку на сон), которыми располагают в течение того же месяца. Монарх, даже за трапезой или слегка приболев, в состоянии подумать и принять решение по тому или иному неотложному вопросу.

Таким образом, десятикратное преимущество во времени заранее гарантирует единоличному властителю победу в соревновании с властителем коллективным. И никакие ухищрения не способны помочь аутсайдеру нагнать лидера. Между прочим, без этих ухищрений не обойтись, поскольку они могут существенно сгладить главное противоречие (временной цейтнот) и обеспечить пусть относительную, но некую стабильность процессу коллективного управления.

Ухищрение первое – телефон. 3 февраля 1922 года Политбюро распорядилось членов руководящей пятерки опрашивать по телефону с трех до четырех часов дня, предварительно разослав им для прочтения «голосуемые предложения». Результаты голосования опросом по телефону секретарь ЦК вносил в протокол следующего заседания Политбюро.

Ухищрение второе – курьер. Нарочный с проектом документа на руках за два-три часа обегал всех членов Политбюро и возвращался с резолюцией каждого на нем, после чего секретарь ЦК оформлял голосование «вкруговую», как решение Политбюро, и вносил его в протокол ближайшего заседания ареопага.

Ухищрение третье – делегирование полномочий Политбюро нижестоящим структурам, каковыми были Оргбюро и Секретариат. Именно эта уловка и позволяла неуклюжей системе «коллективного руководства» держаться на плаву. Под расплывчатую «организационную» сферу компетенции обоих инстанций подвели ряд важнейших «политических» вопросов в

¹² Политбюро ЦК РКП(б). Повестки дня заседаний. М., 2000. Т. 1. С. 215–225 (май-июнь 1923 г.).

первую очередь кадровые и финансовые. На Секретариат возложили основную задачу подбора кандидатур на ответственные посты; оценки смет (например, по резервному фонду СНК), циркуляров (например, об интегрировании кооперативов) и разного рода административных инициатив (например, преобразование области Коми в автономную республику). Малозначимые пункты повестки Секретариат решал самостоятельно, отсылая прочие на одобрение Оргбюро, которое имело право распоряжаться судьбой статей средней значимости, в том числе определять, кому в каком непромышленном губкоме по рекомендации ЦК секретарствовать или в какой стране быть консулом. Главных партийных аппаратчиков национальных ЦК, областных Бюро ЦК, ключевых региональных (промышленных) губкомов (Московского, Петроградского, Нижегородского и т. д.), коллегии наркоматов, редакции газет, полпредов, советников и секретарей в заграничных миссиях и иных высших чиновников утверждало Политбюро. Контроль за «правильностью» разрешения второстепенных проблем члены Политбюро осуществляли посредством знакомства с протоколами Оргбюро и Секретариата. Если что-то не нравилось, накладывалось вето, после чего вердикт, не удовлетворивший кого-то, пересматривался. Однако и этот громоздкий трехступенчатый механизм управления не поспевал за жизнью, часто буксуя (по многим вопросам формировались комиссии) и теряя много времени на трехкратных апробациях одних и тех же постановлений¹³.

Похоже, что первым, кто осознал, насколько опасно для будущего Республики сохранение подобного стиля руководства, был генеральный секретарь ЦК РКП(б). Сталин участвовал в заседаниях всех трех коллегиальных органов. На его глазах проблемы обсуждались, нередко впустую, не раз и не два то в Секретариате, то на Оргбюро, и наконец, в Политбюро. Случались и отсрочки по разным причинам или топтания на месте, когда комиссии затягивали с внесением предложений. При таком неповоротливом режиме власти государство неминуемо рано или поздно свалится в хаос и новую смуту, либо агрессия извне (при отсутствии яркого, объединяющего людей вождя, «второго Ленина»), либо стихийное возмущение изнутри в конечном счете разнесут не только систему «коллективного руководства», но и само государство (что, в конце концов и случилось в начале трагических 90-х годов XX столетия). Но попробуй укажи соратникам на коренной изъян советско-партийной управленческой системы – демократизм – и необходимость реставрации официально узаконенного единоначалия! Тебя мигом обвинят в бонапартизме и снимут с должности, оставив все, как есть. Что же делать? Ничего. **Ждать, пока партийные и народные массы не поймут, по краю какой пропасти разгуливают.** Правда, прозрение может наступить слишком поздно – в момент военной или революционной катастрофы.

Впрочем, один фантастический выход имеется: **Сталину надо, во-первых, завоевать большинство в Политбюро, сместив Каменева; во-вторых, поднять под себя Политбюро, ЦК и саму партию, превратив детище Ленина в покорную безропотную машину; в-третьих, провести через эту укрощенную «машину» конституционную реформу и реформу избирательной системы, чтобы затем, с помощью выборов, передать власть из коллегиальной партийной структуры (Политбюро) официальному главе государства – Председателю правительства или Президенту (Председателю Президиума Верховного Совета (ВЦИК) и т. п.), с четко прописанными в основном законе полномочиями и сроками их исполнения.** При этом реализация столь фантастического плана должна идти под благозвучными коммунистическими лозунгами.

Этому фантастическому плану, замысленному Сталиным еще при жизни В.И. Ленина и впервые «озвученному», правда, в весьма своеобразной форме – в виде клятвы у гроба усопшего вождя, к сожалению, не суждено было осуществиться в полном объеме. Но согласитесь, что-то до боли знакомое где-то осуществилось? Правильно, в Китае.

¹³ РГАСПИ, Ф. 17, оп. 112, д.л. 444–451 (протоколы заседаний Оргбюро и Секретариата за май 1923 г.).

Такова идеальная перспектива, которую Сталин шаг за шагом начнет воплощать в жизнь. Но пока до воплощения этой мечты в жизнь очень далеко, генсек старается найти некие рычаги, чтобы снизить давление на перегруженное делами Политбюро. Уже 24 апреля 1922 года Оргбюро разрешает «единственные постановления Секретариата, не опротестованные в течение 24 часов с момента вручения протокола заседания Секретариата ни одним из членов Оргбюро, считать постановлением Оргбюро», о чем и уведомлять заинтересованных лиц.

К сожалению, данная мера оказалась не очень эффективной, и тогда 16 июня 1922 года Сталин реорганизует трехступенчатую модель управления в четырехступенчатую:

«Протокол № 30

Заседания Секретариата ЦК РКП от 16/VI-22 года.

§ 50. О работе Секретариата ЦК (т. Сталин).

1. Перенести день приема т. Сталина с[о] вторника на понедельник, а т. Куйбышева с понедельника на вторник.

2. В отмену прежнего постановления назначать заседания Секретариата ЦК раз в неделю по пятницам в 7 час[ов] вечера.

3. **Для разгрузки повестки дня заседания Секретариата и Оргбюро от вопросов мелкого, текущего характера установить при Секретариате постоянное совещание заведующих отделами ЦК под председательством секретаря ЦК РКП т. куйбышева.** (Выделено мной. – А.К.).

4. Совещание просматривает все вопросы, поступающие для внесения в Оргбюро или Секретариат ЦК, определяет, какие из них и куда (Оргбюро или Секретариат) должны быть внесены, и подготавливает материал к вносимым в Оргбюро или Секретариат вопросам.

5. Вопросы мелкого, текущего характера, в отношении которых в совещании не возникает разногласий, решаются совещанием и при единогласии решения совещания считаются постановлениями Секретариата, и как таковые заносятся в протоколы Секретариата.

6. Заседания совещания назначить 1 раз в неделю по вторникам».

Совещания заотделами начинались также около семи часов вечера. Участвовали в них заведующие или замы заведующих Бюро Секретариата (т.т. Назаретян и Товстуха), Организационного отдела (т.т. Каганович и Охлопков), Агитационно-пропагандистского (т.т. Бубнов и Яковлев), Учредительно-распределительного (т.т. Сырцов и Кнорин), Управления делами ЦК (т.т. Ксенофонтов и Поскребышев, Савин), отдела Работниц (т.т. Смидович и Мойрова), Статистического (т.т. Струмилин и Смиттен), Сметно-финансового (т.т. Раскин и Донсков), Истории партии (т.т. Ольминский и Лепешинский). Те же «завы» и «замзавы» отделов регулярно посещали заседания Секретариата и Оргбюро (с 28 сентября 1923 года в обязательном порядке). Вот Сталин и воспользовался тем обстоятельством, что персоны, руководившие отделами ЦК, своими консультациями содействовали более эффективной работе трех секретарей. Генсек подумал: почему бы тому же аппаратному ядру не позволить санкционировать единогласно что-то из мелочевки, тем самым увеличивая число принятых Секретариатом решений?! Идея Молотову и Куйбышеву понравилась, и в результате заотделами ЦК обрели соответствующее право»¹⁴.

«Производительность труда» государственной машины по принятию жизненно необходимых решений значительно возросла, но естественно, вышеприведенные проблемы этим не могли быть решены окончательно. Теперь уже четыре партийных «двигателя» советской власти трудились «в поте лица», едва поспевая за событиями и частенько дублируя друг друга. Вынужденная процедура прохождения многих инициатив и предложений через три «вспомо-

¹⁴ Цит. по: К. Писаренко. Тридцатилетняя война в Политбюро (1923–1953). М., 2006. С. 59–60.

гательных» фильтра у стороннего наблюдателя порождало иллюзию аппаратного всемогущества, которую усиливало «кураторство» над ними одного из членов Политбюро – Сталина! У кое-кого могло возникнуть опасение, что генсек намерен потихоньку перевести центр власти из Политбюро в «подшефные» ему структуры. А раз могло возникнуть, то оно и возникло ... у товарища Зиновьева, который после Каменева был на втором месте по рейтингу популярности среди членов ЦК.

Опасаясь, что Сталин «перехватит» его рейтинг и выдвинется на первые роли в Политбюро, пока только после Каменева, Зиновьев предложил несколько «укоротить» аппетиты Кобы следующим образом. С одной стороны, он предложил усилить политическую роль Секретариата путем введения в его состав двух членов Политбюро (Зиновьева и Троцкого) и кандидата в члены Политбюро Бухарина, с другой стороны, ликвидировать Оргбюро. Этим самым политические возможности Сталина будут значительно «урезаны», чего и добивался глава Коминтерна.

Никто не уловил опасности в инициативе главы Коминтерна. Только Сталин сообразил, что ликвидация Оргбюро немедленно увеличит нагрузку на Политбюро и Секретариат, которые и без того едва успевали принимать срочные решения, постоянно откладывая неспешные. И, несомненно, зиновьевское желание «сделать как лучше» поставило бы обе структуры перед риском полной утраты дееспособности. **но сказать об этом соратникам Иосиф Виссарионович не мог, ибо произнесение: а) «сообща мы не в силах угнаться за временем» – неминуемо вынуждало огласить и б) «необходимо вернуться к единовластию», к чему ни партия, ни страна, еще не позабывшие самодурства Николая II, не были готовы.** Оттого Сталин парировал проект коллеги не возражением по существу, а окольным путем, сведя дискуссию к дилемме персонального доверия или недоверия генеральному секретарю ЦК.

Сталина поддержал Каменев, который, не в пример Зиновьеву, мыслил глубже и смотрел дальше. Уже при первом же знакомстве с «проектом Зиновьева» он указал, что этот план представляется ему сомнительным, ибо подобный состав Секретариата (Сталин, Зиновьев, Троцкий) обозначал бы фактически ликвидацию Политбюро. То есть, Льва Борисовича не могла обрадовать затея, умалявшая политическую роль Политбюро, а значит и самого Каменева, который пока лидировал в нем. В итоге Сталин и Каменев дали дружный отпор членам ЦК, которые подпали под влияние инициативы Зиновьева и обеспечили сохранение статус-кво системы «коллективного руководства». При этом Сталин закономерно выдвинулся на второе место после Каменева по рейтингу влияния, как на других членов Политбюро, так и ЦК в целом. Этот эпизод еще раз доказал, что система «коллективного руководства», как кислород для жизни организма, нуждается в харизматическом лидере.

Болезнь, а затем и смерть Ленина лишили Политбюро авторитетного лидера, одно слово которого – закон для всех, а, значит, способного по примеру монарха на свое усмотрение быстро решать любые проблемы, превращая «равноправие» иных членов ареопага в фикцию. Ведь пока Политбюро возглавляет харизматическая фигура, цейтнот времени минимален и почти не ощущаем. Однако стоит кумиру сойти с дистанции, «равноправие» моментально материализуется. Харизмы-то нет ни у кого из прочих членов. Посему без общего собрания, дискуссий и голосований не обойтись. А на это требуется время. Много времени. Процесс управления непременно замедлится, рассмотрение вопросов затормозится или застынет, угроза их стихийного (во вред окружающим) или неверного (от спешки) разрешения возрастет (это уже будут ошибки объективные, неизбежные).

Компенсировать отсутствие монарха или харизматической персоны в какой-то степени может наличие нескольких вспомогательных коллегиальных органов, оттягивающих на себя часть забот высшей инстанции. Чем больше филиалов, образованных законным путем, тем прочнее хрупкая стабильность всей системы. Но повторимся: она не вечна, **и рано или поздно**

под воздействием революции или войны коллегиальная система рухнет, как картонный домик, и похоронит под собой любое государство, невзирая на строй, – и капиталистическое, и социалистическое, и всякое другое. Правда, появившись вовремя в «коллективном руководстве» очередной непререкаемый авторитет, и «советская» власть опять обретет под ногами твердую почву. **на срок не больший, чем продлился его правление.**

Летом 1923 года российская компартия харизматической особы не имела, возвращаться к монархии не желала, вследствие чего предохраняла ее, а заодно и страну от скоротечного срыва в пропасть исключительно сеть коллегий, важнейшими из которых были Политбюро, Оргбюро, Секретариат, Совещание заведомо ЦК и СТО, распутывавшие экономические и хозяйственные «узлы». При таком раскладе упразднение Оргбюро – самоубийственно. Вот поэтому Сталин категорически и воспротивился близорукой инициативе т. Зиновьева

К счастью, генсек с помощью Каменева сумел отстоять Оргбюро от недальновидных посягательств, и, в конце концов, все сошлись на разумном компромиссе: Оргбюро не разгонять, но пополнить Троцким и Зиновьевым в качестве членов, а Бухарина ввести туда в ранге кандидата. Пленум ЦК санкционировал данный вариант 25 сентября 1923 года.

Сталин первым отметил, что в партийных кругах частенько фигурирует слоган «диктатура партии» и что это не только искажение одного из основных догматов марксизма, но и чревато серьезными последствиями. Так, выступая, перед секретарями уездных комитетов, командированных в Москву на партучебу, 17 июня 1924 года с разъяснением итогов XIII съезда РКП(б), состоявшегося 23 мая в Москве, он обратил внимание на снижение теоретического уровня партийцев и, в частности, сказал:

«Нередко говорят, что у нас «диктатура партии». Я, говорит, за диктатуру партии. Мне помнится, что в одной из резолюций нашего съезда, кажется даже в резолюции XII съезда, было пущено такое выражение, конечно, по недосмотру. Видимо, кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не класса. Но это же чепуха, товарищи. Если это верно, то тогда неправ Ленин, учивший нас, что советы осуществляют диктатуру, а партия руководит советами. Тогда неправ Ленин, говоривший о диктатуре пролетариата и не [говоривший] о диктатуре партии. Если это верно, тогда не нужно Советов, тогда нечего было говорить Ленину на XI съезде о необходимости **«размежевания партийных и советских органов»**. Но откуда и почему проникла эта чепуха в партийную среду? От увлечения «партийностью», которое приносит больше всего вреда именно партийности без кавычек, от беззаботности на счет вопросов теории, от отсутствия привычки продумать лозунги раньше, чем они пущены в ход, ибо стоит на минуту подумать, чтобы понять всю несообразность подмены диктатуры класса диктатурой партии. Нужно ли доказывать, что эта несообразность способна породить в партии путаницу и неразбериху?»¹⁵

Отметим, что в этом выступлении Сталин меньше всего хотел уличить партийную элиту в слабой теоретической подготовке. Если внимательно вчитаться в эти строки, то можно уловить, что генсек «подправляет» самого Ленина, который в данном конкретном случае противоречил сам себе. С одной стороны: «...Советы осуществляют диктатуру, а партия руководит Советами». То есть истинным диктатором и является как раз партия, которая «...руководит Советами». То есть, о «диктатуре партии» впервые высказался Ленин. Но на XI съезде партии Ильич, осознав свою ошибку, решительно заявил о необходимости «размежевания партийных и советских органов». Вот на эту самопоправку Ленина и обратил внимание Сталин, будучи решительным сторонником такого размежевания, за что он боролся всю свою оставшуюся жизнь, так и не решив до конца эту проблему. Результат известен – канули в Лету и партия, и Советы.

¹⁵ Там же. С. 127–128.

19 июня Бухарин, будучи шеф-редактором центрального органа партии, по просьбе Сталина опубликовал в «Правде» на второй и третьей полосах газеты первую половину доклада генсека с его «ревизионистскими» подходами к вопросам марксистско-ленинской теории, что вызвало резкий протест со стороны сначала Каменева, а затем и Зиновьева. С этого момента началась позиционная война между двумя лидерами Политбюро за первенство, закончившаяся, в конечном итоге, «сокрушительной» победой Сталина 6 января 1925 года. Именно этот день вошел в историю партии и страны, как день восхождения на политический Олимп «второго Ленина». Однако рассмотрим все по порядку.

Каменев и Зиновьев с «примкнувшим» к ним Сталиным повели атаку на Троцкого еще при живом Ленине. С уходом вождя из жизни эта атака усилилась, приняла системный характер, но... только со стороны «Каменюги» и «Григория». Сталин сообразил, что в этой борьбе можно «использовать» Троцкого в качестве оружия против дуумвирата, в котором таилась истинная угроза раскола в Политбюро. Сменив тактику борьбы, он выиграл потом стратегически, предотвратив не только раскол, но на долгие годы исключил его принципиальную возможность, став «монархом».

Выход Сталина из «триумвирата» и его усилия по предупреждению раскола в связи с непрекращающимися нападками «дуумвирата» уже на самого Сталина имели неожиданные последствия, поскольку Коба предпринял решительный, но опасный своими последствиями шаг, заявив об уходе со всех постов, которые он занимал.

Такая реакция Сталина последовала сразу же после состоявшегося «товарищеского суда» над ним 18 августа 1924 года в ходе работы Пленума ЦК 15–19 августа. «Товарищеский суд», состоявшийся по инициативе Каменева при поддержке Зиновьева, единодушно осудил Сталина за его июньский экспромт, хотя до оргвыводов дело не дошло.

На следующее утро Сталин направил участникам Пленума письмо следующего содержания:

«В Пленум ЦК РКП

Полугодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина, сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу (в подлиннике зачеркнуто – «освободить меня». – *К. П.*) считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген[еральным] секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока отпуска прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-либо за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком[мунистическим] прив[етом] И. Сталин.

19/VIII 24 г.

Т. Куйбышев! Я обращаюсь к Вам с этим письмом, а не[к] секретарям ЦК потому, что, во-первых, в этом, так сказать, конфликтном деле я не мог обойти ЦКК; во-вторых, секретари не знакомы с обстоятельствами дела, и не хотел я их зря тревожить»¹⁶.

¹⁶ Там же. С. 137.

Как видим, Сталин не просто угрожает отставкой с должности генерального секретаря, о чем говорится во всех учебниках истории того периода, а заявляет о снятии с себя полномочий члена Политбюро. Безусловно, что причина столь решительного демарша Сталина кроется не в обиде за вынесенное ему порицание, это, скорее всего, лишь послужило поводом. Судя по тону письма «дуумвират» здорово «достал» генсека и он решил действительно уйти из Политбюро, видя всю беспомощность своих усилий по предотвращению грозящей катастрофы.

Иосиф Виссарионович уклонился от объяснений истинных причин своего демарша – умные поймут, а для помешавшихся на «коллегиальности» – это крик вопиющего в пустыне. Как им иначе растолковать, что восхваляемый ими

принцип рано или поздно приведет к гибели Республики, что попытки расправиться с Троцким – опасны, ибо способны резко приблизить момент катастрофы? Ведь не поверят, пока гром не грянет... Между тем Сталин устал в одиночку бороться с проклятой системой. Известно, какой зигзаг сделала бы история России, если бы Пленум ЦК удовлетворил просьбу Сталина, которому в таком случае уже никогда не стать «Монархом», диктатором, который спас Россию на, без малого, целых тридцать лет от катастрофы, по своим последствиям куда более грозной, чем трагедия 37-го года.

Благодаря усилиям Куйбышева, Орджоникидзе, Ворошилова и Рудзутака удалось убедить Сталина в пагубности для судеб страны его столь мужественного, честного, но, тем не менее, опрометчивого шага. Опрометчивого, потому, что летом 1924 года из всех «выдающихся вождей» РКП(б) лишь Сталин обладал политическим талантом, необходимым для успешного противодействия надвигавшемуся краху советской власти. И спасибо четверке медиаторов, сумевшей в течение 19 августа помирить Кобу с «Григорием» и «Каменюгой»: «товарищеский суд», возобновивший свою работу поздним вечером после очередного заседания Пленума, склонил-таки обе стороны начать движение навстречу друг другу. Зиновьев согласился исключить из статьи «К вопросу о диктатуре пролетариата и диктатуре партии», намеченную к публикации по завершении Пленума, главу «Об ошибке т. Сталина». Генсек, в свою очередь, не настаивал более на собственной отставке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.